DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

оригинальная статья
УДК 316.2/312.244

Геополитический аспект миграции в постюгославском хронотопе с позиции социологии истории

Неманя Б. Вукчевич [a, @, ID]
[a] Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Россия, г. Белгород
[@] nemanja.vukcevic75@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Поступила в редакцию 20.08.2020. Принята к печати 25.09.2020.

Аннотация: Многогранный феномен миграции как следствие международных политических событий и изменения соотношения сил можно рассматривать с геополитической точки зрения. В статье дается обзор теоретических основ социологии истории, представлен краткий анализ отдельных геополитических фактов, начиная с периода Древнего Рима до наших дней на постюгославском хронотопе. Проанализированы такие глобальные исторические события, как падение Константинополя, Османской империи, мировые войны XX века. На основе абстрагирования, использования методов социологии истории, применения принципов единства логики и истории была проведена аналогия с современным миграционным кризисом в постюгославском хронотопе, в частности в Республике Сербии, в целях прогнозирования его возможного исхода и предотвращения социальной коллизии. При управлении миграционными процессами важно учитывать, что, хотя история и не повторяется полностью, но если определенные известные условия постоянно дают один и тот же результат, разумно ожидать, что тот же результат может повторяться в тех же условиях и в будущем. В социологии такой подход к изучению общественных взаимодействий не представлен в достаточной мере, хотя именно он делает возможными системные и долгосрочные решения в области миграционного кризиса, в отличие от мероприятий *Ad hoc*, имеющих краткосрочный и поверхностный характер. Не преуменьшая значение имеющих сегодня место решений и результатов, отметим, что в целом они привели к геттоизации мигрантов, грозящей перерасти в общественный конфликт. Именно поэтому к данной проблеме необходим новый подход, включающий в себя методы и достижения социологии истории.

Ключевые слова: миграционные процессы, геополитика миграции, исторические аналогии, военные конфликты, изменение государственный границ, Балканы

Для цитирования: Вукчевич Н. Б. Геополитический аспект миграции в постюгославском хронотопе с позиции социологии истории // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 454–467. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Введение

Рост миграционных потоков, связанных с поиском убежища и перемещением населения с целью трудоустройства, получения образования или поиска более комфортного места для жизни, из менее развитых в социально-экономическом смысле стран в более развитые и политически-стабильные государства в значительной мере был вызван изменениями в современном мире. Эти изменения обусловлены перераспределением соотношения геополитических сил, экономической глобализацией и политической интеграцией государств и регионов. Для постюгославского пространства данная проблема особенно актуальна из-за бурной истории миграции, определившей многонациональный и многоконфессиональный состав населения балканских стран, а также в связи с географическим положением на стыке западной и восточной цивилизаций и вовлечением в маршрут миграций в рамках европейского миграционного кризиса.

Присущая славянскому миру толерантность способствует тому, что по большей части мигранты оказываются в данной среде в более комфортных условиях, чем в странах, где общество-реципиент традиционно отличается настороженным отношением к представителям иной национальности и культуры. Но и на данной территории в последние годы приток мигрантов превратился в крайне актуальную проблему, вызывающую недовольство значительной массы коренного населения. Одной из ключевых причин этого является отсутствие национальной концепции государственной миграционной политики, с помощью которой могло бы осуществляться эффективное стратегическое управление миграционными процессами в постюгославском хронотопе.

В механизме управления миграцией центральное место занимает вопрос об интеграции и геттоизации мигрантов, что в первую очередь подразумевает интеракции мигрантов и принимающего сообщества. Организация пребывания в стране постоянных и временных мигрантов является одной из важнейших задач государственной миграционной политики, поскольку во многом сохранение международного мира, предотвращение социальных конфликтов

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

и криминализации зависит от того, насколько эффективно происходит интеграция мигрантов. В этой связи нам представляется важным обратиться к историческому опыту, который не только может дать ключ к пониманию сущности механизма интеграции как эффективного пути управления миграционными процессами в постюгославском хронотопе, но и позволит использовать эффективные решения в данной области как ретроинновации в современном мире.

Таким образом, цель нашей работы – прогнозирование возможного исхода актуального миграционного кризиса в постюгославском хронотопе для предотвращения социальной коллизии путем построения аналогий посредством абстрагирования достаточно большого объема геополитических факторов из ретроспективы миграций на основе принципа единства логики и истории. Теоретическим обоснованием такого подхода в нашем исследовании стали положения социологии истории как отрасли социологии, в фокусе внимания которой находятся исторические процессы формирования и развития различных общественных структур. Основу исследования составили фундаментальные труды О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. А. Сорокина и Н. Элиаса. Исчерпывающее представление об историческом синтезе и методах французской школы «Анналов» дает работа А. Я. Гуревича. Особый интерес в рамках социологии представляет взгляд на историю Э. Х. Карра. Мы также ознакомились с работами М. Манна, во многом благодаря которому социология истории заняла равноправное место среди других отраслей знания. Обширный исторический материал для нашего исследования дали труды проф. М. Экмечича, проф. Б. И. Бойовича и ряда других сербских ученых. Большая часть построенных нами аналогий была вдохновлена идеями С. Хантингтона.

В ходе исследования проблемы управления миграционными процессами после детального рассмотрения истории и геополитического контекста перемещений населения на нынешней сербской территории встал вопрос дальнейших логических рассуждений с социологической точки зрения. Мы выдвинули тезис о том, что миграционные процессы не являются новым явлением в постюгославском хронотопе и показали в ретроспективе, что их итогом может быть либо интеграция, либо социальная коллизия. Полагаем, что ни одна история, написанная исключительно из ограниченной рамками национального государства перспективы, не смогла бы объяснить саму себя, т. к. в интерпретации не хватало бы аспекта внешнего влияния, которое оказывает решающее детерминирующее влияние на формирование институтов и процессов, имеющих место в ограниченном пространстве национального государства. Тезис о решающем воздействии внешних детерминант на развитие хода истории национального государства является ценным ориентиром для социологических исследований, связанных с изучением событий из прошлого. Когда речь идет о национальных государствах, реализующих многочисленные интенсивные процессы обмена и интеракций с окружением, сложно осмыслить долгосрочный цикл, который формирует историческое ядро конкретного государства [1].

Методы и материалы. Методы исследования подобраны в единстве общенаучной и частно-научной методологии, что, учитывая характер исследования, позволяет сочетать познавательные средства общетеоретической социологии, социологии управления, социологии истории, политологии и культурологии, использовать междисциплинарный подход к изучению управления миграционными процессами. Важное место занимают структурно-функциональный и сравнительно-исторический подходы, абстрагирование. Нашли применение принципы системности и историзма, позволяющие определить механизм управления миграционными процессами на примере постюгославского хронотопа и провести сравнение с другими государствами; пользуясь достижениями мировой социологической науки, представить возможные пути предотвращения социальной коллизии посредством интеграции мигрантов. Анализ различных концепций в области миграций и их регулирования и теории интеграции дал возможность предложить авторский подход.

Теоретические основы применения сравнительно-исторического подхода

Сегодня социология истории является отдельной актуальной отраслью социологии. Родоначальниками современного социально-исторического направления в науке, целью которого является синтез фактов событий прошлого и их социологического объяснения, являются О. Шпенглер [2] и А. Дж. Тойнби [3]. Современные исследования в области социологии свидетельствуют о возрастании роли синтеза теоретических дисциплин (театральная антропология, общественная теория, социальная психология и история и пр.). Эвристическая ценность подобных подходов ясно видится во всех актуальных работах, которым присущ междисциплинарный характер, теоретическая открытость. История индивидуализирует и описывает уникальные явления, а социология обобщает их посредством формулирования теории, которая определяет категорию этих явлений, однако в основе их различия лежит не непоколебимый методологический принцип, а лишь особенность акцентирования. У социологии и истории общая цель – анализ определяющего поведения индивидуумов и групп при грамотном понимании процесса, контекста и изменений [1].

Одним из первых социологов истории, который непрестанно подвергал критике «изоляцию социологии в настоящем», является Н. Элиас [4, p. 223]. Английский социолог Ф. Абрамс утверждал, что история и социология – единое целое, их взаимосвязь может быть вопросом институционального образования, но не самой ее сути. Ученый пишет, что общественный процесс составляют исторические события: «событие – это момент существования,

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

в котором встречаются действие и структура» [5, p. 192]. Основные изменения в общественных процессах вызывают большие события: «великие события обуславливают решающие взаимосвязи действия и структуры; это прозрачные моменты структурирования, когда деятельность людей сталкивается с возможностями общества, и можно ясно видеть, какова их одновременно и определяющая, и определенная роль» [5, p. 199].

В нашем исследовании как подобное великое событие рассматриваются миграционные процессы в постюгославском хронотопе. Интересно отметить, что американский социолог Ч. Р. Миллс отстаивал мнение о том, что каждая отрасль социологии достойна своего собственного имени, в том числе и социология истории [6]. Это означает, что присущие жизни социума во все времена институты, структуры и формы социальной интеракции имеют историю в том смысле, что они являются результатом предшествующего развития в общественном мире.

В продолжение идей античной и средневековой историографии, связанных с изучением последовательности истории, основоположники социологии как теории истории в конце XIX в. намеревались создать науку, которая бы одновременно давала объяснение событиям прошлого и прогнозировала события в будущем посредством формирования общественных или исторических законов [1]. Мы постарались решить поставленные задачи, применив именно такой подход. В отличие от своих коллег из более раннего периода, представители школы «Анналов» не были враждебно настроены по отношению к социологии. Напротив, они утверждали, что социология и история – одна и та же «авантюра духа» и что во многих своих отраслях они комплементарны, как и на самом глубинном уровне, где «в перспективе долгосрочной истории… они на самом деле сливаются» [7]. По мнению известного английского социолога Д. Смита, социологи истории изучают прошлое и способы функционирования и изменения общества, чтобы определить будущее, которое возможно в социологическом смысле [8].

Историзм как таковой представляет собой общественно-научный подход, развивающий утверждение о том, что историческое предвидение является основной целью и что эта цель может быть достигнута при открытии ритмов или образцов, законов или правил, которые лежат в основе исторического развития. Хотя историзм и составляет основу антинатурализма, он никоим образом не вступает в противоречие с идеей о том, что натуралистские и общественно-научные методы включают единый общий элемент. Это обусловлено тем фактом, что представители историзма принимают в качестве аксиомы мысль, что социология, как и физика, представляет собой такую область знания, которая одновременно ставит перед собой и теоретические, и эмпирические цели. Мы полностью согласны с этим, т. к. если астрономы могут предсказывать затмения, то почему социологи не могут предвидеть революции? Конечно, с точки зрения логики невозможно создать точный календарь общественных событий, который мы могли бы поставить в один ряд, например, с Морским астрономическим альманахом. В соответствии с этим, фактическая основа социологии может быть представлена только в форме хроники политических или социальных событий. Такая хроника значимых в жизни общества событий представляет собой то, что обычно называют историей. В этом смысле история представляет собой основу социологии.

Речь тут не идет об истории в традиционном понимании только лишь как хроники исторических событий. История, с которой представители историзма соотносят социологию, не рассматривает только минувшее прошлое, но смотрит и в будущее. Она занимается изучением действующих сил и в конечном итоге законов общественного развития. Исследователи сходятся во мнении, что теоретики социологии задумывали эту науку как настоящую, научную или теоретическую историю. В отличие от обычной истории, которая только описывала произошедшее, социология (как теоретическая история) должна была, как в случае с теоретической физикой, одновременно давать объяснение событиям из прошлого и предвидеть события в будущем посредством открытия общественных или исторических законов. Поэтому ориентация ранней социологии на историю не была случайной. Общественные изменения, которые происходили в конце XVIII – начале XIX вв., оказались в фокусе внимания научной общественности, поэтому родоначальники социологии стремились посредством формулирования законов общественного развития заложить основы науки, которая могла бы стать путеводителем для реорганизации общества в будущем. Разумеется, сама идеи о поиске закономерностей в истории не была нова: она имела место еще в средневековой (и даже античной) историографии, как и в философии истории конца XVIII – начала XIX вв. [1].

Необходимо упомянуть и попытку отстоять право социологии на исторический анализ в определенный период в Германии, также завершившуюся неудачей. По словам американского социолога немецкого происхождения, представителя неовеберианского направления Р. Бендикса, речь тут идет о стремлении А. Вебера сконструировать дисциплину, о которой он писал как о «социологии культуры» и понимание которой у него было близко к сегодняшнему пониманию этой дисциплины в одном из направлений социологии истории [9]. На наш взгляд, Р. Бендиксу тут в значительной мере присущ радикализм, т. к. он практически полностью отрицает возможность теоретизации истории. А. Вебер уже в своей первой работе по этому вопросу, отказавшись от применения натуралистического метода в социологии, одновременно отбросил и крайний историзм, который исключает существование какого-либо общего образца в исторических явлениях. Поэтому, он ориентировался на разработку социологии культуры, которая должна была стать некой формой синтетической истории, комбинирующей в разных соотношениях

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Kulturgeschichte (историю культуры) и *Gesellschaftsgeschichte* (социальную историю) с политической историей и глобальными схемами эволюционной социологии и социологии развития [10]. Между тем А. Вебер не смог опубликовать книгу «*Kulturgeschichte als Kultursoziologie*», в которой предпринял данную попытку, в уже находившейся под властью нацистов Германии и поэтому опубликовал ее в Нидерландах в 1935 г. В связи с этим данная, по выражению немецких социологов Г. Рота и В. Шлюхтера, «книга беженца» даже близко не могла оказать на исследователей того периода то влияние, которое соответствовало ее уровню [9]. При этом ученые сходятся в том, что именно Р. Бендикса можно считать последним из эмигрировавших представителей довоенной немецкой традиционной школы социологии истории.

В качестве критика вышеизложенной концепции выступил Э. Дюркгейм, который выделяет по меньшей мере такой исследовательский барьер, как серьезное ограничение возможности предвидения в социологии, связанное с невозможностью прогнозировать, какой именно коррелирующий фактор будет преобладать в последующей фазе некого процесса развития [11]. С трудами О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби философия истории в значительной степени приблизилась к идеалу исторического позитивизма, поэтому в 30-е гг. прошлого века почти исчезла дисциплинарная разница между произведениями авторов, которые никогда не позиционировали себя как социологи (как, например, их современник П. А. Сорокин, который свою работу в соответствии с тем же идеалом исторического позитивизма сам понимал как социологическую *par excellence*) [12].

В конце концов исторический позитивизм пережил падение. Уже в начале XX в. стало очевидно, что крупнейшая и самая амбициозная социологическая теория, построенная в традициях исторического позитивизма (теория общества К. Маркса), не достигла своей программной задачи по поиску общественно-исторических законов, которые имели бы такой же эпистемологический характер, какой имеют подобные законы в физике, т. е. такие законы, которые были бы в равной степени способны объяснить как прошлое, так и глобальные движения в будущем, что тоже можно отнести к критике рассматриваемого нами подхода [13].

Поэтому социологи США стремились изменить ситуацию и ввести социологию в круг наук, которые занимаются реальными проверяемыми гипотезами, что подразумевает исследование существующих явлений или актуальных процессов так, чтобы быть в состоянии с помощью определенных стандартизованных техник (характерных для социологии) получать новые данные, которые затем решающим образом подтвердят или опровергнут выдвинутую гипотезу. Подразумевается, что в такой концепции социологии не могло быть места для истории и свершившихся процессов и событий, которые уже имели место и в этом качестве стали предметом исследования. Американская социология вплоть до начала 1960-х гг. брала в рассмотрение события из прошлого, как будет позже иронично сказано, не дальше, чем «вчера после обеда»: это не значит, что вообще не было работ, которые бы подразумевали компаративно-исторический анализ или хотя бы попытки рассмотрения исторических обществ сквозь призму социологической науки (возможность применения исторического подхода к изучению современного общества) [14; 15]. Однако в серьезном забвении оказалась сама проблематика общественных изменений и общественного развития [16], из-за чего социология совсем отдалилась от основного замысла ее основателей и фактически свелась к однодневной практической дисциплине.

Прогнозирование в общественно-исторических дисциплинах не имеет пророческого характера и является не безусловным предсказанием будущих событий, а указанием на то, что если будут действовать или будут достигнуты условия *x*, *y*, *z*, то реализуется вид события *a*. Как показал в своих работах К. Р. Поппер, прогнозирование является лишь другой стороной объяснения: если мы смогли определить условия, которые в прошлом привели к событиям вида *a*, одновременно мы можем предвидеть, что и в будущем, когда будут достигнуты условия *x*, *y*, *z*, может произойти вид явления *a*. Исследователь в области общественных наук, конечно, не может предсказать специфические события, как это невозможно сделать и в области естественных наук, но он со значительной долей вероятности может спрогнозировать вид явления [17; 18].

По словам британского ученого, противника эмпиризма в историографии Э. Х. Карра, «как и физик, который, несмотря на универсальность закона гравитации, не может предвидеть какое именно яблоко упадет с дерева, социолог, хотя он может совсем точно предсказать, что если два или три ребенка в какой-то школе заболеют ветрянкой, то это обернется эпидемией, не может знать будет ли ветрянка у того или иного конкретного ребенка» [13, p. 62, 63]. По этой причине генерализация в истории не может быть отброшена только из-за неудачных попыток философии истории прийти к единственной мегагенерализации, которая утверждала бы закон целокупного исторического процесса: если попытка настолько широкого обобщения потерпела неудачу, отмечает Н. Решер, это не значит, что и любое другое обобщение в истории невозможно [19]. Значение социологии и других общественных наук для истории проистекает из того, что они обуславливают генерализации среднего уровня, которые на самом деле имеют сущностное значение для любого серьезного объяснения истории.

Слабость исторического подхода в социологии, по мнению Н. Решера, проявляется в том, что «хотя он и дает возможность сделать определенные предположения, на его основе нельзя прогнозировать по-настоящему крупные критические изменения на мировой сцене – именно те изменения, которые интересуют нас больше всего

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

и которые находятся в фокусе внимания исследователей… однако, другие подходы также не имеют такой возможности, но при этом они не теряют своей научной значимости: например, медицина способна предвидеть и достаточно близкое будущее (отсутствие изменений в состоянии здоровья пациента), и весьма далекую перспективу (в любом случае пациент однажды должен будет умереть), но она обычно не может дать ответ на действительно интересующие нас вопросы о состоянии нашего здоровья на ближайшие несколько месяцев или лет» [19, p. 861].

В то время пока социология в большей степени сосредотачивает внимание на той части оси, которая подлежит генерализации (поэтому в ее методах и языке больше дедуктивно-номологических и обобщающих заключений), история и социология истории свободно двигаются вдоль всей этой оси и таким образом дополняют друг друга и переплетаются настолько, что их иногда невозможно разделить. На самом деле они представляют собой два сегмента единого корпуса исторического знания, и их разграничение обусловлено в большей мере академическими причинами целесообразности выделения двух точек зрения на один и тот же предмет исследования, чем эпистемологически непреодолимым разрывом между двумя различными предметами или двумя несоединяемыми методами исследования.

Сегодня социология истории в качестве составной части своего научного корпуса включает и французскую школу «Анналов». В других языковых пространствах мы можем отметить постоянный рост интереса к данной дисциплине, например в Германии (J. Kocka) и в России (Л. М. Дробижева, Л. П. Лашук), поэтому, по нашему мнению, Д. Смит полностью прав, когда утверждает, что после возрождения интереса к социологии истории примерно в начале 1960-х – 1970-х гг. это направление активно развивалось, чтобы в 1980-х – начале 1990-х гг. прочно утвердиться в научном дискурсе [8]. В современной социологии истории мы находим примеры теоретического скептицизма (Р. Бендикс, М. Манн) и отрицания возможности найти глобальные каузальные связи в рамках данного подхода [20, p. 341]. При этом большая часть социологов истории верит, что определенные виды общественно-исторических явлений или состояний могут дать общие рамки объяснения и что, прежде всего, посредством применения компаративно-исторического метода, можно прийти к определенного рода индуктивной генерализации.

Британский социолог Дж. Г. Голдторп предупреждает, что социолог истории должен осознавать, что при использовании результатов чужого первичного исследования, он получает обзор истории не просто через вторые, но даже через третьи руки (т. к. и историки обращались к первичным исследованиям), поэтому сам он в лучшем случае может дать только «интерпретацию интерпретированной интерпретации» [21; 22]. Даже в конце 1950-х гг. узкий эмпиризм и презентизм подвергался сильной критике. Это можно назвать первым кризисом послевоенной социологии. Соглашаясь с необходимостью существования теории, некоторые авторы взвешенно аргументируют целесообразность вновь обратиться к исторической ретроспективе. Для Ч. Р. Миллса это было базовым условием настоящей мечты социолога: «любая общественная наука, или, лучше сказать, любое хорошо осмысленное исследование общества, требует концептуального исторического обзора и полноценного обращения к историческим данным» [6, p. 145].

Соответственно, если бы социология достигла успеха в своей попытке дать нам значимый с научной точки зрения политический прогноз, это стало бы доказательством ее огромной ценности для политиков, особенно для тех, чье видение простирается далеко за границы настоящего – тех, у кого присутствует развитое осознание исторической судьбы. На самом деле некоторые представители историзма удовлетворяются прогнозированием только непосредственно предстоящих этапов процесса развития человеческой истории, осторожно выбирая определения, которые будут им даны. Но им всем присуща идея, что социологические исследования должны способствовать тому, чтобы пролить свет на политическое будущее, поэтому социология является самым важным инструментом долгосрочной практической политики. Поэтому, принимая во внимание сложность ситуации в постюгославском хронотопе, в частности в Республике Сербии, основным мотивом и целью нашей работы была разработка рекомендаций, которые могли бы быть использованы местными властями для управления миграционными процессами на своей территории, чтобы избежать социальной напряженности и развить гуманистический подход в этом аспекте.

В свете описанного социологического подхода на основе единства логики и истории и диагностики актуальной ситуации в сфере управления миграционными процессами, целесообразности их прогнозирования и разработки эффективных практических рекомендаций, представим выделенные нами ретроспективные аналогии интеграции и дезинтеграции в постюгославском хронотопе как последствие крупных переселений народов. Основой сравнительного анализа прошлого и настоящего в исследовании нами была принята гипотеза о том, что если в прошлом воздействие некоторых факторов неоднократно обусловило наступление определенных событий, то вероятно, что и в будущем в таких же условиях могут произойти явления схожей природы. Дополнительным аргументом в пользу состоятельности выдвинутой гипотезы можно привести концепцию цикличности развития государства, экономики и технологий, поскольку все это имеет прямое отношение к миграционным процессам и их последствиям для общества.

От границы Античного Рима до падения Константинополя

По мнению сербского историка М. Экмечича, «балканские земли – обычно линией от Срема до Бока-Которского залива – разделяет географически самая обширная граница.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Это старая римская граница времен последнего императора единой Римской империи Феодосия I Великого (347–395), разделяющая Западное и Восточное Римское царство. Обычно эту линию разграничения связывают с границей раскола церквей. Это не первая и не последняя мировая граница на Балканах, но она и сегодня сохраняет свое влияние на западный способ мышления. Такая граница стала одновременно и плотиной, и пропастью. Сербы, жившие и с одной, и с другой стороны этой невидимой границы взяли на себя груз культурологических отличий» [23, с. 194]. Действительно, в рамках рассматриваемого нами хронотопа со времен разделения Римской империи в X в. существуют исторические границы, которые отделяют западные христианские народы от православных и мусульман. На Балканах эта граница совпадает с исторической границей между АвстроВенгерской и Османской империями. Начиная с XIV в., препятствуя расширению европейских стран на восток и юг Средиземноморья, Османская империя становится для них серьезным конкурентом.

После падения Константинополя в 1453 г. завершилась тысячелетняя историческая эпоха, Византия как синтез восточной и западной цивилизации исчезла. Столица Второго Рима становится центром исламской империи. Сербы в этот момент становятся народом, который отделяет европейскую Турцию от католического Запада. «Составляя военную и биологическую материю нового Лимеса (Войной краины) обновленного германо-римской империей, они представляли собой не только главный инструмент первого пояса защиты Запада, но и значительную часть османского военного диспозитива» [23, с. 207]. Французский историк-медиевист сербского происхождения Б. И. Бойович полагает, что завоевание и занятие Сербии Турцией определило необходимость поиска новых способов использования благородных металлов, принимая во внимание то, что Сербии был запрещен их экспорт (прежде всего, серебра и золота) [24]. Таким образом, эти явления заняли свое место в цепочке событий в преддверии открытия Нового Света и экономической экспансии морским путем к большему количеству континентов.

Дальнейшая история сербского народа развивалась в следующих условиях: с одной стороны, в конфликте с Австрией у Венеции был интерес в отношении Средиземноморья и в части защиты католического Дубровника и православной Черногории; с другой стороны, Габсбургская династия тяготела к политической силе, которая стремилась к объединению территории Нидерландов и Железных ворот на Среднем Дунае. Эти исторические предпосылки легли в основу достижения в последующем цели формирования Великой Германии и Великой Венгрии. После ухода с территории Косово и Метохии в Среднюю Европу сербы, с одной стороны, потеряли выход к Адриатике и Адриатическому морю, а с другой – все еще не получили политического признания своего государственного суверенитета [24]. Сегодня подобная проблема продолжает существовать, т. к. многие народы стран бывшей Югославии формально обладают суверенитетом, но он нарушается из-за подобных миграций. Например, большая часть международного сообщества, хотя и признает государственный суверенитет Республики Сербия, не соотносит с ней т. н. Косово и рассматривает его как самостоятельное государство.

Период ослабления Османской империи и возникновение восточного вопроса

Переломным с социально-исторической точки зрения является период 1683–1923 гг., т. е. время от ставшего началом ослабления исламской империи поражения турок-османов у Вены до определившего порядок взаимного обмена несколькими миллионами жителей мирного договора с Грецией в рамках Лозанской конференции. При этом во всех войнах, которые Османская империя вела с Австрией, Венецией, Польшей, Священной Лигой, причиной конфликтов были турецкие амбиции вытеснить европейские страны, особенно Венецию, из Восточного Средиземноморья. После осады Вены в 1683 г. последующие войны сопровождались массовым бегством жителей всех населенных сербами территорий Габсбургской монархии и Венецианской Республики. В этот период около 1,1 млн греков и около 450 тыс. турок возвратились на свою этническую родину. Когда османские войска начали возвращаться в Косово и Метохию и на север Македонии, началось массовое (до одной четверти всех жителей) переселение сербов с данных территорий и из окрестностей Ниша. Ученые считают, что тогда обратились в бегство около 40 тыс. семей [25]. Тогда же имели место и попытки переселения черногорцев в Истрию. Подобные вызванные военными действиями крупные миграции не прекращаются и сегодня. В исследуемом хронотопе они охватывают период от югославских войн до бомбардировок НАТО, а также время с 2000 г. из-за последствий агрессии, в частности экономического краха, что в совокупности привело к тому, что сейчас Республику Сербию ежегодно покидает свыше 50 тыс. человек[1].

Великое переселение сербов в 1690 г. считается переломным событием в сербской национальной истории. Переселение усилило и увеличило национальное сообщество в Южной Венгрии и пробудило у славян политическое осознание себя единым народом и формирование национального интереса, выраженного на тот момент в борьбе за независимое государство. Сербский народ принял участие в данном процессе, а главным манифестом, отразившем его реакцию на восстание, считается письмо патриарха Арсения III Черноевича габсбургскому

[1] Evropski statistički zavod: Srbiju mesečno napusti više od 4.000 ljudi // N1. 09.09.2019. Режим доступа: http://rs.n1info.com/Vesti/a524373/Srbiju-mesecno-napusti-vise-od-4.000-ljudi.html (дата обращения: 20.05.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

императору. Великая турецкая война для сербов завершилась подписанием мира в Карловцах в 1699 г., в соответствии с которым граница между двумя империями пролегала по рекам Уна и Савва на западе и по Дунаю на севере. При этом мусульманскому населению не было позволено остаться на христианских территориях. Это привело к острому социальному кризису и возникновению восточного вопроса, который в будущем обусловил падение Османской империи. Итак, мы видим, что вынужденные миграции всегда были источником не только больших социальных коллизий, но и коллизий больших социальных групп, поэтому важно отметить, что прибывающие сегодня на ту же территорию беженцы, имеющие ту же этническую родину (Ближний Восток) и ту же религиозную принадлежность являются исключительно чувствительной группой и находятся в зоне риска в рамках дальнейшей реализации процесса управления миграциями.

Но и сегодня даже при отсутствии религиозных и этнических отличий источником коллизии становятся сами миграции внутри христианского мира. Так, после победы армии императора Наполеона I над армиями императоров австрийского Франца II и русского Александра I в битве под Аустерлицем Австрии была предписана задача противостоять России и предотвратить ее политический разворот в сторону Азии, а также контролировать юго-восток Европы. С заключением мирного договора в Братиславе Австрия лишилась Далмации и вступила в союз с Турцией.

Взятие Дубровника и Далмации имело целью организовать Европу под руководством французов. При этом армию в составе 25 тыс. солдат в Далмации называли армией Сербии. Наполеон тогда выдвинул два тезиса, которые «в последующие десятилетия, а возможно и века, окажутся приговором для сербского будущего… прежде всего, он сказал, что всего лишь одна пядь земли на правом берегу Дуная под русским контролем будет равна общему крушению Османской империи,… затем он сказал, что Австрия является географическим неприятелем Сербии… это стало историческим проклятием для всего будущего сербского народа… на лоб ему был поставлен знак вечного союзника России» [23, с. 169]. Действительно, уже намного позже, в военных союзах 1914 г. и 1941 г., Сербия всегда рассматривалась мировым сообществом через призму религиозного (православного) и славянского родства с Россией.

Подобная стигматизация, но уже с применением современных технологий свой экстремальный облик приобрела в ходе маркетинговых кампаний при подготовке и во время бомбардировок НАТО. Как видно, стигматизация как механизм интеракции между большими социальными группами никогда не способствовала социальной сплоченности. Огромное количество людей (мы можем говорить о 300 тыс. человек) использовало все возможные, зачастую даже нелегальные, способы, чтобы пересечь границу сегодняшнего Европейского союза (ЕС) и попасть в те самые страны, которые их бомбили. Сегодня беженцы с Ближнего Востока делают то же самое: они перемещаются не в страны, близкие к ним в географическом и культурологическом смысле, а именно в те западные страны, которые прямо или косвенно замешаны в военных событиях в их стране.

«Первая версия» Югославии и начало XIX в.

После Шенбруннского мирного договора (1809) Наполеоном был принял декрет об объединении адриатического побережья с Хорватией. Тогда в составе Первой империи были созданы иллирийские провинции, столица которых располагалась в Любляне. Вся автономная область состояла из Далмации, Истрии, Крайны, Корушки и Дубровника. Так Наполеон создал самую первую версию югославского государства, которое должно было сделать невозможным распад Османской империи без участия Франции. Другой причиной создания этих провинций было противостояние Сербии в ее стремлении объединить южных славян в одно государство. Однако Наполеон не смог создать фундамент единого «тела нации» из-за множества диалектов и обычаев. Это было искусственное образование, состоящее из разнородных частей, которые сопротивлялись объединению. Не была создана и единая элита, которая бы пропагандировала общие идеи, хотя во всех значительных городах иллирийских провинций существовали масонские ложи. Вместе с походом Наполеона против России началась агония сербской революции, а после отступления России с Балкан «судьба Сербии хранилась в глубокой тайне» [24].

До настоящего момента признание т. н. Косово является одним из условий вступления Республики Сербии в ЕС. Косово и Метохия является практически «чистой» в этническом смысле территорией, как и Республика Сербия, поэтому нельзя говорить, что ЕС повторяет ошибку прогнозирующего формирования некого «тела нации» Наполеона, одобряя по частям вступление новых членов с их ясными границами. Таким образом, общественные интеракции крупных социальных групп больше не осуществляются, что, как правило, приводит к коллизии и является историческим уроком ЕС об обществе на Балканах. Об этом свидетельствует и то, что в югославский период (после Второй мировой войны) большая часть этнических групп соотносила себя с новым «телом нации» (югославами), но после распада Югославии возвращение к своей этнической группе привело к социальному конфликту крайней степени, т. е. к войне. Это возвращение было реализовано посредством миграции без формирования какой бы то ни было известной политической стратегии, по крайней мере, на уровне внутренней политики. И сегодня управление миграциями не является сугубо внутренним вопросом, как это могло бы показаться на первый взгляд, но реализуется в соответствии с предписаниями законов ЕС и в соответствии с рекомендациями, ни одну из которых Республика Сербия не отказалась принять, включая пакт Марракеша.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

В продолжение политического развития и национальной конспирации восточного вопроса в 1813 г. из Сербии потекли реки беженцев. Считается, что на территорию Австрийской империи тогда прибыло 200 тыс. человек. В бегство обратилась и часть богатых сербских торговцев. Историки отмечают, что вместе с мигрантами прибыл караван из 300 коней с дорогими товарами. В это же время Белград покинул руководитель Первого сербского восстания против Османской империи, основатель сербской королевской династии Г. П. Карагеоргий. Австрийское правительство предложило ему временное пребывание, а венские посланники уверили его, что «австрийская рубашка ближе, чем русская шинель» [24]. Попытка России поднять вопрос балканских народов в Османской империи на Венском конгрессе в 1814–1815 гг. провалилась из-за сопротивления солидарной с Австрийской империей Великобританией. М. Экмечич подчеркивает значимость позиции Великобритании в то время в части того, что «восточный вопрос является особенной нерешенной проблемой, обремененной жизненными и непредсказуемыми последствиями» [23, с. 194]. Сербская революция 1804–1835 гг. завершилась установлением сербской автономии в Османской империи, а убийство Г. П. Карагеоргия в 1817 г. стало первым убийством сербского правителя, в котором участвовали великие силы. Два века спустя, после убийства сербского премьер-министра З. Джинджича в 2003 г., влияние мировых сил на общественные события в Республике Сербии как никогда очевидно. Вместе с тем Австро-Венгрия сегодня «называется» Европейским союзом, а Российская империя – Российской Федерацией. Действие этих двух геополитических игроков на микроуровне, например в сербском обществе, обуславливает коллизию, вынуждающую эмигрировать из страны огромное количество людей, не желающих мириться с необходимостью определения в сторону одной из этих сил.

Переломный момент в процессе национального возрождения и течения югославских революций 1848–1849 гг. определила позиция русского императора о целесообразности сохранения Габсбургской империи. Венгры не могли смириться с присутствием населения сербской национальности в Венгрии и регулярно вступали в конфликты с сербскими войсками. В отличие от сербов и хорватов, они сумели создать крепкий союз с немцами и сделать его способом противостояния «панславянской опасности». Перед наступлением венгерской армии, которая «зверски вешала и убивала», 50 тыс. сербских беженцев перешло Дунай в сторону восставшей Сербии. М. Экмечич полагал, что «в 1849–1878 гг. Военную краину затронули взаимодействия, цивилизационные трения и конфликты, проистекающие из древнейших времен, а уже в XX веке "восточный вопрос" стал одним из важнейших спорных моментов в Европе в ходе непосредственного соприкосновения с евразийским соседом» [23, с. 225]. После Крымской войны 1853–1856 гг. формируется новое распределение великих сил на основе Парижского мирного договора. Военное поражение России обязало ее отказаться от строительства крепостей и арсеналов на черноморском побережье. В это же время порядок сплавления по Дунаю был урегулирован на международном уровне. И здесь из-за поражения в Бессарабии Россия потеряла имевшееся у нее ранее влияние и была вынуждена отступить с придунайских областей.

Турецкое общество из-за внутреннего социального кризиса в этот период переживало спад рождаемости мусульманского населения. Для государства сложилась опасная ситуация, т. к. из-за депопуляции и превращения земель в пустыни возникла реальная угроза, что эти земли перестанут быть турецкими. Закон о беженцах от 1857 г. стимулировал население пустующих областей: в Европе гарантии и помощь переселенцам предоставлялись в течение 6 лет, а в Малой Азии – 12 лет. С 1860 г., когда Крым попал под русскую юрисдикцию, поток беженцев направился к Сербии, вдоль ее границ стали концентрироваться массы новоприбывших мусульманских черкесских беженцев. Миграцию самих сербов из областей Дрины из-за переселения в эти области мусульманского населения остановил сербский князь. В наши дни абсолютное большинство прибывших в Республику Сербию беженцев – мусульмане [26]. Мигранты-сербы, прибывшие в страну после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, интегрированы в общество-реципиент и государственную систему. Хотя формально многие из них имеют статус беженца, их ситуация совершенно несравнима с ситуацией беженцев с Ближнего Востока.

С 1866 г. Австро-Венгрия приняла доктрину Ч. Бальбо о необходимости дистанцирования от Германии и Италии и начале собственной миссии в восточном вопросе. «Бальбо писал, что Германия, будучи заточена в сердце Европы, имеет только один выход к морю, ее население редеет в ходе великих переселений, а сама она в наибольшей степени удалена от любых путей сообщения с Востоком. Немецкая нация не сможет принять участия ни в каких крупных движениях, если не будет подталкивать Австрию к турецким окраинам, а Пруссию – к польским… Цивилизованная Австрия пробьется на восток Европы, население которого от Балтики до Адриатики оскудевает» [23, с. 281]. Мы считаем особенно важным подчеркнуть, что германизация славянских земель была бы завершена именно таким образом, прежде всего, посредством переселения жителей (миграции).

Вскоре после упомянутых выше событий в 1868 г. была провозглашена Османская нация, чем была прекращена многолетняя практика торговцев принимать чужое гражданство и переходить под защиту иностранных государств. Это был первый исторический пример того, как на основе потребностей политических групп на Балканах провозглашалась какая-либо искусственная нация. Следовательно, создание наций как крупных социальных

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

групп посредством механизма общественной интеракции не является новым явлением – тут можно вспомнить и о югославской нации, а с недавнего времени и о босанской нации, которая была самопровозглашена после гражданской войны в Югославии, а также неофициальной, но имеющей место в общественной риторике идее о воиводжанской нации на севере Республики Сербии.

После этого на Балканах искусственные нации будут провозглашаться столько раз, сколько там будет великих сил. Благодаря русскому участию Болгария добилась поддержки собственной церкви, все ее прихожане были провозглашены болгарами по национальности. В Болгарии на тот момент было 100 тыс. переселенцев из Македонии, и у страны существовало намерение включить Македонию в свой состав. Главным союзником Австро-Венгрии на Балканах было албанское национальное движение, которое стремилось к созданию в Османской империи федерации Великой Албании, состоящей из Косово и Метохии, Западной Македонии и частей Греции. Младотурецкое правительство снова взяло курс на переселение мусульман в Македонию, и на конгрессе Младотурецкого комитета в 1910 г. было приняло решение о переселении туда еще 20 тыс. моджахедов и о переселении мусульман с Кавказа и Туркестана в Турцию.

В день объявления Сербо-черногорско-турецкой войны 28 июня 1876 г. было провозглашено объединение Боснии с Сербией и Герцеговины с Черногорией. Это первое объединение не сохранилось в коллективной памяти народа, т. к. данная попытка не была успешной, поскольку, несмотря на то, что католикам и мусульманам адресовались официальные призывы присоединиться к общему восстанию, они не поддержали данную инициативу. В этот период имели место массовые преступления против мирного населения: около 6 тыс. мужчин, женщин и детей было убито, сожжена 81 церковь, а 250 тыс. человек были вынуждены бежать в Австрийскую империю.

Объединение сербского народа после соединения Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией представляло серьезную опасность для Австро-Венгрии. В 1861–1913 гг. в ходе разрешения восточного вопроса распалось соглашение Греции и Сербии, т. к. Греция хотела восстановить Византийскую империю, а Сербия стремилась к тому, чтобы взять на себя ответственность за судьбу балканских славян. Эти амбиции были велики, потому что обе страны находились под влиянием больших сил. Б. И. Бойович считает, что балканские народы были лишены права на собственную историю, т. к. европейские силы уже тогда видели в Балканах лишь геополитическое пространство для реализации своего влияния [24]. Как мы уже сказали, сегодня все законы, касающиеся мигрантов и иностранцев, по сути, являются переписанными законами ЕС. С другой стороны, процессы социальной коллизии продолжаются и дальше, о чем свидетельствует выход Черногории из союза с Сербией, а затем предпринятая в 2019 г. попытка создания Черногорской Православной Церкви, т. е. попытка «изгнания» Сербской Православной Церкви, которая существует на данной территории с самого момента основания Черногории как сербского государства. Интересный феномен: несмотря на то, что Сербия и Черногория – секулярные государства, проблемы Сербской Православной Церкви в современной Черногории спровоцировали общественные протесты по своей интенсивности стоящие в шаге от гражданской войны.

От Берлинского конгресса до Первой мировой войны

Берлинский конгресс 1878 г. воспрепятствовал расширению Сербии на запад, где проживала большая часть сербского населения и это заложило бомбу замедленного действия для будущих войн. Российская империя приняла эту идею и удовлетворила пожелания австро-венгерского протектората. Считается, что Сербия стала ширмой, за которой готовилась мировая война. Мусульмане со своей стороны организуют четыре лиги против великих сил христианских государств: албанскую, арабскую, курдскую и боснийскую. Это стало второй большой фазой в развитии современного исламского фундаментализма. После этого можно говорить, что в современной Турции, формально являющейся секулярным государством, внешняя политика включает продвижение ислама в постюгославском хронотопе, о чем подробно пишет бывший сербский посол в Стамбуле проф., д-р Д. Танаскович [27]. На этом фоне Балканы рассматривались как лишенная динамического развития фрагментированная и антагонизированная территория.

Б. И. Бойович считает Балканский полуостров местом, где меряются силами и плетут интриги: «таким образом, трения на Кавказе, северном побережье Черного моря и в Средней Азии, а в еще большей степени – на Ближнем и Среднем Востоке могут иметь гораздо более далеко идущие последствия для гористой и сейсмически активной территории Балкан» [24, с. 272]. Когда после Берлинского конгресса, в 1882 г., Италия вступила в союз с Германией и Австро-Венгрией, в дипломатии было введено понятие *новый порядок*. В 1999 г. НАТО совершило акт агрессии против Югославии, речь снова шла о новом мировом порядке. С. Хантингтон выдвигает тезис о том, что равновесие сил между цивилизациями меняется и составляет основу нового мирового порядка [28]. Это изменение равновесия проявляется в снижении влияния западной цивилизации и военном, политическом и экономическом усилении азиатской цивилизации. Мигранты, которые являются частью этой цивилизации, в настоящее время оказались буквально запертыми в Сербии без возможности направиться в ЕС или продолжить свой путь в каком-то другом направлении.

В последующие годы Габсбургское правительство пыталось силой и угрозами принудить Сербию к сотрудничеству. В 1906–1911 гг. против сербов велась таможенная война (т. н. свиная война, т. к. из страны был запрещен вывоз свиней), а в 1908 г. была провозглашена аннексия Боснии.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Россия и Франция увидели, что таким образом Германия прокладывает себе путь на Ближний Восток, и поддержали союз балканских стран. Турецкий султан согласился с присоединением Боснии и Герцеговины к Габсбургской империи и переселением мусульманских жителей в Македонию. Поражение Австрии позволило Османской империи установить свои границы на рубежах Балкан – по рекам Савве и Дунаю. В 1912 г. армия Балканского союза (Сербии, Греции, Болгарии и Черногории) освободила Косово, закончилась турецкая гегемония, турки были изгнаны из Центральной Европы. В июле 2020 г. на территории Косово и Метохии все еще продолжается новая «свиная война» с той лишь разницей, что в этот раз санкции против Сербии в виде 100 % таможенной пошлины на всю ввозимую продукцию были выведены т. н. государством Косово.

Речь здесь идет об одной и той же политической методике и, как представляется, одних и те же (анти)механизмах общественной интеракции, которые никак не могут быть направлены на достижение сплоченности, а только усугубляют конфликт в перспективе, о чем свидетельствует тот факт, что территорию Косово и Метохии покидают не только сербы (из того малого количества, которое там осталось), но и местное население исламского вероисповедания.

Период Первой мировой войны

Балканские государства являются хранителями одной из старейших матриц европейской культуры и цивилизации. Славянское пространство на этой территории и сегодня является одной из самых чувствительных зон неудавшегося разграничения между восточным и западным христианством на европейской земле. Борьба балканских народов за освобождение и возвращение в круг европейских стран, возмущение мировых сил из-за турецкого захвата европейского наследия создают взрывоопасное состояние, которое в XIX в. вновь возникает на повестке Европы как восточный вопрос. Балканский «пороховой погреб» на исходе этого периода становится катализатором, который посредством Сараевского атентата в 1914 г. провоцирует Первую мировую войну, ставшую началом конца европейского доминирования в мире [24, с. 219].

«Создатель проекта федеративного государства южных славян, британский историк и политик Роберт Уильям Сетон-Уотсон еще в 1914 году в меморандуме Форин Офису говорил, что это государство было задумано как двойная федерация Сербии и Хорватии. Причем, к Хорватии была бы присоединена Славония, а Сербия была бы объединена с Боснией и Герцеговиной и Черногорией. При этом, под Сербией понималось государство в границах после балканских войн 1913 года с Македонией, Косово и Метохией. В 1919 году мир контролировали премьер-министр Франции Жорж Клемансо, президент США Вудро Вильсон и премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж. Находясь в Париже, они определяли, какая страна будет существовать, а какая нет, какие новые страны будут созданы, каковы будут их границы, кто будет ими управлять и как Средний Восток будет разделен между силами победителей» [23, с. 351]. Постоянным интересом Великобритании тут является сохранение власти над побережьем в Средиземноморье. Принимая во внимание, что Хорватия была ближе к Италии, эта страна в большей степени находилась в сфере британского интереса, чем Сербия. Именно поэтому Италия была важнейшим британским союзником. Интересы Франции и России были полностью противоположны.

Глубинными причинами мировой войны 1914 г. стали вторжение и политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, где сразу после завершения операций по оккупации началась реализация формирования аграрных колоний немецких крестьян из Австрии. Полагаем, что миграционный процесс всегда является неотъемлемой частью контекста войны – либо как последствие, либо как планируемый феномен. Сегодня Республика Сербия столкнулась с неожиданным наплывом мигрантов в условиях отсутствия публичного политического плана их интеграции и наличия реального факта их присутствия и постепенного воссоединения семей. Тут речь идет не только о беженцах-мусульманах, но и об экономических мигрантах из Китая, о чем свидетельствует создание целых кварталов и поселков для их приема и размещения после того, как Китай в глобальной стратегии концепции «Новый шелковый путь» приобрел часть сербских индустриальных предприятий. Формирование же австрийских колоний немецких крестьян должно было способствовать снижению интенсивности эмиграции немцев в Америку.

Сегодня большую проблему представляют миграции из Сербии, достигающие, как мы уже сказали, масштаба до 50 тыс. человек ежегодно, что для такой маленькой и малочисленной страны грозит стать национальной катастрофой. С одной стороны, на государственном уровне в стране не существует системного и успешного плана по предотвращению оттока населения, а с другой – имеет место стимулирование эмиграции различными смягчениями трудового законодательства в европейских странах, особенно в Германии. Поэтому в качестве результата можно ожидать, что в будущем значительно уменьшившееся местное население почувствует определенную угрозу со стороны переселяющихся в страну мигрантов.

По плану аграрные колонии немецких крестьян должны были быть основаны вдоль р. Дрины, а населить их должны были протестанты из Венгрии и России, поляки из Галиции и итальянцы из Тироля. Оккупационные власти, опасаясь восстаний в Сербии и в Черногории, начали депортацию местного населения в лагеря. В лагеря Шумадии было направлено 150 тыс. жителей, а из Черногории туда увели около 10 тыс. человек. В этот период в Боснии и Герцеговине из-за голода и эпидемии были организованы массовые эвакуации детей.

Сравнивая Турцию с бывшей Югославией и геноцид в Хорватии, Боснии и Косово, отметим, что за 1915–1955 гг. Турция «вычистила» почти всю христианскую

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

популяцию. На то время в Турецком государстве проживало 99,8 % мусульман и 0,2 % христиан. Проводя параллель между Турцией и Косово, общим знаменателем можно назвать демографическую экспансию и экстремальную миграцию, которые привели к насильственному изменению структуры населения в юго-восточной Европе. Существует еще одна аналогия: США и НАТО начали войну против Югославии, как и против Ирака, без одобрения ООН. Оба раза агрессоры ссылались на необходимость защиты национального меньшинства. Можно предположить, что в будущем ЕС будет граничить с территорией, на которой живет около 100 млн мусульман (жители Турции и албанцы в Косово, Македонии и Болгарии). Мы считаем, что все достижения межкультурных коммуникаций как части социологии сегодня должны быть использованы для того, чтобы удержать ситуацию в границах позитивных интеракций и не допустить ее перцепцию только как системы безопасности.

В 1915 г. Т. Рузвельт обвинил Сербию в начале войны из-за агрессии в Боснии и Герцеговине, а в 1917 г., опасаясь возможности поражения западноевропейских государств, США вступают в Первую мировую войну. Дело в том, что в 1898 г., после взятия Кубы и атаки на Испанию, США получили статус мировой силы. В то же время такой статус получила Япония после победы над Россией в 1905 г. Американский президент считал необходимым, чтобы война окончилась созданием Лиги наций – сообщества западных государств, которые силой власти и экономики будут управлять миром. В эту группу вошли бы США, Британия, Франция, Германия, Италия, все западноевропейские и скандинавские страны. В эту организацию не предполагалось включать ни одно славянское государство. Т. Рузвельт осуждал Сербию за начало войны, предлагал применить против нее морскую пехоту и создать мировой трибунал для ведения процесса против обвиненных в начале войны сербов. Такой подход лег в основу позиции отношения к Сербии и после 1991 г.

Вторая мировая война

В 1944 г. в Москве У. Черчилль и И. В. Сталин договорились о разделении влияния в Юго-Восточной Европе. После поражения Италии партизаны освободили Далмацию, Сплит и некоторые острова. Часть населения была размещена в эвакуации на Ближнем Востоке в комплекс лагерей беженцев Эль Шатт, существовавшем с лета 1944 г. до начала 1946 г. в пустыне Синайского полуострова в Египте. Предположительно, там насчитывалось около 40 тыс. беженцев из Хорватии.

Это был период, когда Ватикан прилагал усилия к тому, чтобы примирить фашистские силы и западных союзников. Тогда же был разработан план создания Придунайской федерации, куда входила бы и Хорватия. Альтернативой этой федерации было создание Югославского федеративного государства вместе с Болгарией, за что боролись Т. Рузвельт и британские политики. Задачей посланника Гитлера в Восточной Европе Г. Нойбахера было создание Великой Албании как независимого государства, отдельного от Италии. Он писал, что «сербы под оккупацией стали дичью для отстрела, которую каждый имел право убить» [23, с. 490]. Бомбежки союзниками сербских городов в конце войны остаются проблемой для современной науки и политики, т. к. Белград, как и другие крупные города Сербии, бомбили 11 раз, при этом погибло 1160 человек, и количество жертв в ходе бомбардировок союзников было большим, нежели от немецких бомбардировок 6 апреля 1941 г. В наши дни те же самые страны вновь бомбили Сербию в 1999 г.

После 1945 г. результатом контактов США и Ватикана становится создание Священного альянса. Основу этого союза закладывают переговоры Ватикана со «свободными строителями» Австрии и Германии. В 1974 г. Католическая Церковь согласилась отменить запрет на участие католиков в масонских ложах. С того времени бросается в глаза активное участие хорватских католических священников в масонском движении. Католическая Церковь стала «длинной рукой» американской внешней политики. М. Экмечич считает, что соглашение американского президента и Ватикана является ключевым для понимания влияния западных сил на падение Югославии [23]. Что же касается роли Сербии в геополитическом смысле в части распада Югославии, ученый выдвигает тезис о том, что потесняющие друг друга силы двух мощных цивилизаций нашли равновесие за счет самой слабой стороны [23]. В свое время завоевательный поход между периодами двух милитаризированных прозелитизмов в качестве последствия так же повлек за собой исчезновение византийской цивилизации.

Последние годы XX в. и начало XXI в.

На пороге третьего тысячелетия сербы сыграли роль, которая была им навязана в целях создания еще одного великого раскола на карте европейской цивилизации [24, с. 211]. Здесь можно сослаться на мнение С. Хантингтона о границе между западными и православными христианскими народами. Считается, что сербы приняли на себя роль виновника, который всегда нужен, когда дипломатию неравных стандартов необходимо представить как справедливое миротворчество и геополитический инструмент. Гражданская война в Югославии имела ту же историческую цель, что и война 1941–1945 гг., а именно: создание независимой хорватской европейской нации. Задачей войны было разрешить возникшую в ходе времени «органическую аномалию», проявляющуюся в том, что православные населяли часть хорватской территории и что Хорватии оставалось 50 км до этнически разнородной Славонии. М. Экмечич считает религию основным фактором разорения Балканского полуострова [23]

В ходе операции «Буря» в августе 1995 г. из Хорватии было изгнано 250 тыс. сербов. Народ стал беженцем в собственной стране – Союзной Республике Югославии, название которой было образовано от предыдущего

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

путем изъятия слов социалистическая и федеративная. Однако формально югославская идея просуществовала вплоть до 2003 г., когда была образована конфедерация Государственный Союз Сербии и Черногории.

В соответствии с Дейтонскими соглашениями, сербы получили свой энтитет в Боснии и Герцеговине, но им не был дан выход к морю. М. Экмечич считает, что в противоположном случае Которский залив был бы открыт и для русского флота [23]. Исследователь указывает на то, что разграничение между сербами и хорватами в Дейтоне в 1995 г. организовано так, чтобы не дать возможность сербам стать союзниками России в будущем [23, с. 54]. Чтобы это стало возможным, посредством разнообразных происходящих до сих пор миграций были созданы этнически чистые территории. М. Экмечич отмечает, что благодаря американской военной помощи и присутствию в военной зоне союзников территория «органической аномалии была этнически очищена от сербов… это аномалии, где сербы населяли большую часть Хорватии… таким образом, США успели достичь того, чего не успели ни габсбургские, ни нацистские солдаты» [23, с. 553].

М. Венцель в 1999 г. писала, что создание боснийской нации, боснийского языка и письменности босаншины является основой всех попыток отделения Сербии от Боснии и Герцеговины [29]. Будучи частью Югославии, Республика Сербия являлась участником Движения неприсоединения, т. е. третьего блока стран, хотя политическая стабильность поддерживалась методами «полицейского государства» вплоть до смерти И. Б. Тито в 1980 г., когда начался процесс распада страны, повлекший за собой гражданские войны с 1991 г. Безусловно, все эти события по отдельности и их совокупность обусловили новые миграции. Уже в 1992 г. количество прибывших в Сербию беженцев и вынужденных мигрантов достигло 1 млн человек (только из Хорватии переселилось 350 тыс. человек), а с 1992 г. по 1995 г. их число составило 750 тыс. человек. В 1999 г. после агрессии НАТО в бегство с территории Косово и Метохии было обращено 287 тыс. представителей неалбанских народов [24].

Интересно, что чем больше люди общаются, торгуют, путешествуют, тем большее значение они придают своей цивилизационной идентичности. Например, североафриканская иммиграция во Францию вызывает вражду общества-реципиента, но повышает его открытость для иммиграции европейских поляков-католиков. Возникает вопрос: можно ли здесь провести аналогию с постюгославском хронотопом? Хотя официальная власть придерживается позитивной позиции в отношении ближневосточной миграции (беженцев), в обществе они встречают достаточно сильное неприятие. И только вопрос времени, когда это неприятие будут вызывать и китайские мигранты в случае, если они займут целые кварталы и поселки. С другой стороны, не наблюдается иммиграция и репатриация славянского, православного или сербского населения, особенно из диаспоры, которая составляет 2/5 всех представителей сербской национальности. Наоборот, эмиграция с каждым годом приобретает все больший масштаб. Необходимо принять во внимание и возрастную структуру, в части которой у европейцев нет преимущества. Существуют прогнозы, что в будущем во Франции каждый третий житель будет мусульманином. Такой вариант развития событий не исключен и для постюгославского хронотопа, в частности для Республики Сербии.

Заключение

Опираясь на теоретические основы сравнительного исторического исследования и результаты, которые являются абстрактными аналогиями, мы подтвердили предположение о том, что, если определенные известные условия всегда дают один и тот же результат, разумно ожидать, что с большой долей вероятности тот же результат вновь будет иметь место при их наступлении. Это предположение применимо и к постюгославскому хронотопу. Хотя рассмотренные с точки зрения социологии истории глобальные геополитические движения представляют собой макроуровень, мы можем говорить, что последствия весьма заметны и на других, более низких уровнях (особенно в случае массовых миграций и социальных интеракциях населения, которые эти перемещения обуславливают). Практическая значимость данного вывода обеспечивает возможность оптимизации стратегического управления миграционными процессами в целях улучшения социального взаимодействия и снижения риска социальных конфликтов. Это первая причина, по которой мы придерживаемся мнения о целесообразности использования представленного нами подхода в дальнейших исследованиях проблемы миграции. Другая причина видится в недостаточной представленности междисциплинарных исследований теоретических основ социологии истории, другими словами, необходимо мягкое продвижение данного раздела социологической науки.

Литература

1. Mitrović L., Todorović D. Sociologija i istorija. Hrestomatija iz istorijske sociologije. Niš: Prosveta, 2003. 309 s.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 668 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Директ-Медиа, 2007. 1876 с.
4. Elias N. The retreat of sociologists into the present // Theory, Culture and Society. 1987. Vol. 4. Iss. 2-3. P. 223–247. DOI: 10.1177/026327687004002003
5. Abrams Ph. Historical sociology. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982. 353 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

6. Mills C. W. The sociological imagination. N. Y.: Oxford University Press, 1959. 236 p.
7. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
8. Smith D. Norbert Elias and André Breton: surrealism, shock and the civilizing process // Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen / eds. W. Pape, J. Šhubrt. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. S. 159–170. DOI: 10.1515/9783110536003
9. Bendix R. Max Weber. An intellectual portrait. N. Y.: Doubleday, 1960. 480 p.
10. Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie / Hg. E. Demm. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997. Bd. 1. 546 S.
11. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 349 с.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
13. Carr E. H. What is history? Harmondsworth: Penguin, 2018. 208 p.
14. Jakšić B. Istorija i sociologija – istraživanje prošlosti i sadašnjosti // Sociologija. 1970. № 2. S. 227–255.
15. Jakšić B. Historija i sociologija: uvodnu raspravu o jedinstvenom pristupu društvu i historiji. Zagreb: SNL, 1976. 149 s.
16. Popović M., Ranković M. Teorije i problemi društvenog razvoja. Beograd: BIGZ, 1981. 479 s.
17. Popper K. R. Prediction and prophecy in the social sciences // Gardiner P. Theories of history. N. Y.: Free Press, 1959. P. 276–285.
18. Popper K. R. The poverty of historicism. London: Routledge & K. Paul, 1960. 169 p.
19. Rešer N. Da li su objašnjenja u istoriji specifična? // Gledišta. 1978. № 9. S. 849–861.
20. Mann M. The sources of social power. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011. Cambridge University Press, 2013. 492 p.
21. Goldthorpe J. H. The uses of history in sociology: reflections on some recent tendencies // The British Journal of Sociology. 1991. Vol. 42. № 2. P. 211–230. DOI: 10.2307/590368
22. Goldthorpe J. H. Rational action theory for sociology // The British Journal of Sociology. 1998. Vol. 49. № 2. P. 167–192. DOI: 10.2307/591308
23. Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку (1492–1992). 5-е изд. Београд: Evro Book, 2017. 606 с.
24. Бојовић Б. И. Византија – Балкан – Европа: припадност и оностраност. Београд: Службени гласник, 2014. 434 с.
25. Географија Србије / ур. М. Радовановић. Београд: Географски институт «Јован Цвијић» САНУ, 2017. Књ. 91. 870 с.
26. Вукчевич Н. Б. Дескриптивный анализ фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению // Научный результат. Социология управления. 2019. Т. 5. № 4. С. 84–90. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3
27. Танасковић Д. Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса. Београд: Службени гласник Републике Српске, 2010. 109 с.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. 603 с.
29. Wenzel M. Bosanski stil na stećcima i metalu. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999. 312 s.

original article

Geopolitical Aspect of Migration in the Post-Yugoslavian Chronotope: a Historical Sociology Approach

Nemanja B. Vukčević [a, @, ID]
[a] V. G. Shukhov Belgorod State Technological University, Russia, Belgorod
[@] nemanja.vukcevic75@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Received 20.08.2020. Accepted 25.09.2020.

Abstract: Migration processes are complex phenomena. They are consequences of international political movements and power redistribution, which makes it possible to study them in their geopolitical aspect. The article contains a detailed review of historical sociology, substantiated by geopolitical examples from Ancient Rome, Byzantium, Ottoman Empire, World Wars I and II, etc., against the post-Yugoslavian chronotope. The research was based on the methods of historical sociology, as well on the principle of unity of logic and history. The author drew analogies between the abovementioned historical events and the contemporary migration crisis in post-Yugoslavian countries in order to forecast its possible outcome and prevent a social collision. The paper focuses mostly on the case of the Republic of Serbia. Migration management should take into account that history repeats itself: if certain conditions always produce the same result, it is only logical to expect this result next time the same conditions occur. In sociology, this approach remains poorly represented, even though it can produce reliable and long-term solutions in migration management, unlike short-term and superficial ad hoc measures.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Previous decisions have led to the ghettoization of migrants, which threatens to escalate into a social conflict. Therefore, achievements of historical sociology can offer a new approach to this problem.

Keywords: migration processes, geopolitics of migration, historical analogies, military conflicts, national borders changes, the Balkans

For citation: N. B. Vukčević. Geopolitical Aspect of Migration in the Post-Yugoslavian Chronotope: a Historical Sociology Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 454–467. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

References

1. Mitrović L., Todorović D. *Sociologija i istorija. Hrestomatija iz istorijske sociologije.* Niš: Prosveta, 2003, 309. (In Serb.)
2. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*, tr. Svasian K. A. Moscow: Mysl, 1993, 668. (In Russ.)
3. Toynbee A. J. *A study of history*. Moscow: Direkt-Media, 2007, 1876. (In Russ.)
4. Elias N. The retreat of sociologists into the present. *Theory, Culture and Society*, 1987, 4(2-3): 223–247. DOI: 10.1177/026327687004002003
5. Abrams Ph. *Historical sociology*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982, 353.
6. Mills C. W. *The sociological imagination*. N. Y.: Oxford University Press, 1959. 236.
7. Gurevich A. Ia. *Historical synthesis and the Annales School*. Moscow: Indrik, 1993, 327. (In Russ.)
8. Smith D. Norbert Elias and André Breton: surrealism, shock and the civilizing process. *Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen*, eds. Pape W., Šhubrt J. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019, 159–170. DOI: 10.1515/9783110536003
9. Bendix R. *Max Weber. An intellectual portrait*. N. Y.: Doubleday, 1960, 480.
10. Weber A. *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*, Hg. Demm E. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997, Bd. 1, 546.
11. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, and purpose*, tr. Gofman A. B. Moscow: Kanon, 1995, 349. (In Russ.)
12. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics,* tr. Sapov V. V. Moscow: Astrel, 2006, 1176. (In Russ.)
13. Carr E. H. *What is history?* Harmondsworth: Penguin, 2018, 208.
14. Jakšić B. Istorija i sociologija – istraživanje prošlosti i sadašnjosti. *Sociologija*, 1970, (2): 227–255.
15. Jakšić B. *Historija i sociologija: uvodnu raspravu o jedinstvenom pristupu društvu i historiji*. Zagreb: SNL, 1976, 149.
16. Popović M., Ranković M. *Teorije i problemi društvenog razvoja*. Beograd: BIGZ, 1981, 479.
17. Popper K. R. Prediction and prophecy in the social sciences. Gardiner P. *Theories of history*. N. Y.: Free Press, 1959, 276–285.
18. Popper K. R. *The poverty of historicism*. London: Routledge & K. Paul, 1960, 169.
19. Rešer N. Are the explanations in history specific? *Gledišta*, 1978, (9): 849–861. (In Bosn.)
20. Mann M. *The sources of social power. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011*. Cambridge University Press, 2013, 492.
21. Goldthorpe J. H. The uses of history in sociology: reflections on some recent tendencies. *The British Journal of Sociology*, 1991, 42(2): 211–230. DOI: 10.2307/590368
22. Goldthorpe J. H. Rational action theory for sociology. *The British Journal of Sociology,* 1998, 49(2): 167–192. DOI: 10.2307/591308
23. Ekmečić M. *The long movement between slaughter and plowing: the history of Serbs in the New Century (1492–1992)*, 5th ed. Belgrade: Evro Book, 2017, 606. (In Serb.)
24. Bojović B. I. *Byzantium – Balkans – Europe: belonging and otherworldliness*. Belgrade: Sluzhbeni glasnik, 2014, 434. (In Serb.)
25. *Geography of Serbia,* ed. Radovanović M. Belgrade: Geografski institut "Jovan Tsvijiħ" SANU, 2017, book 91, 870. (In Serb.)
26. Vukčević N. B. A descriptive analysis of the religion factor in relations of migrants to a new environment. *Research Result. Sociology and management*, 2019, 5(4): 84–90. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3
27. Tanasković D. *Neo-Ottomanism: doctrine and foreign policy practice*. Belgrade: Sluzhbeni glasnik Republike Srpske, 2010, 109. (In Serb.)
28. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*, trs. Velimeev T., Novikov Iu. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra fantastica, 2003, 603. (In Russ.)
29. Wenzel M. *Bosnian style on tombstones and metal*. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999, 312. (In Serb.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License